

ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГРУППОВОГО ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Дейнека О.С.¹, Забарин А.В.^{1,2}

¹ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9), e-mail: odeineka@yahoo.com

²Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия. (198206, Санкт-Петербург, ул. Л. Пилутова, д. 1), e-mail: zavalex@ya.ru

---

Разработана теоретическая модель психолого-политических оснований группового деструктивного поведения. Она включает четыре смыслообразующих сферы или системообразующих элемента политической деятельности (идеологическую, символическую, нормативную и экономическую). В соответствии с ними классифицированы цели и формы группового деструктивного поведения. Описаны объекты деструктивного воздействия разного уровня (индивид, гражданин, этнос, государство, окружающая среда) и угрозы целям их жизнедеятельности. Неадекватные политические решения, практики, нормы и институты могут создавать угрозу безопасности этим объектам и основания для деструктивного поведения граждан вплоть до политической агрессии. В рамках системы координат, включающей критерий рациональности/эмоциональности отношения граждан к политической системе, а также с опорой на четыре системообразующих элемента политической деятельности, выделены соответствующие категории граждан. Отношение граждан к политической системе варьируется по шкале ее принятия/непринятия с учетом не только модальности отношения (положительное – индифферентное – отрицательное), но и степени его выраженности: приверженность – лояльность – безразличие – нелояльность – предательство, открытая конфронтация.

Ключевые слова: групповое деструктивное поведение, объекты деструктивного воздействия, политико-психологические основания, критериальный анализ, отношение к политической системе, типология граждан

PSYCHO-POLITICAL BASES OF THE GROUP'S DESTRUCTIVE BEHAVIOUR

Deyneka O.S.¹, Zabarin A.V.^{1,2}

¹Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb.7/9), e-mail: odeineka@yahoo.com

²Saint Petersburg Institute of Internal Troops of Ministry of Internal Affairs, Saint Petersburg, Russia (198206, St. Petersburg, Pilutova str., 1), e-mail: zavalex@ya.ru

---

A theoretical model of psycho-political bases of the group's destructive behavior was developed. It includes four semantic sphere or backbone element of political activity (ideological, symbolic, regulatory and economic). The purposes and forms destructive behavior were classified in accordance with these elements. Different levels of destructive impact were analyzed (individual, national, ethnic group, nation, environmental). Threats vital objectives of these subjects have been described. Unsuccessful solutions, practices, norms and institutions policies may endanger the safety of these facilities and the grounds for the destructive behavior of citizens until the political aggression. For the categorization of citizens coordinate system included the criteria of rationality / emotionality and four backbone element of political activity. The attitudes of citizens toward the political system can be measured by the scale of acceptance / rejection, taking into account not only the modality (positive - indifferent - negative), but the intensity of attitudes. In this case, the axis is obtained: commitment - loyalty - indifference - disloyalty - treachery - open confrontation.

Keywords: group's destructive behavior, objects of destructive impact, psycho-political bases, analysis of criteria, attitude to the political system, typology of citizens

Проблема группового деструктивного поведения (ГДП) нуждается сегодня в пристальном исследовательском внимании. Положительная динамика количества преступлений, связанных с терроризмом, экстремизмом, вандализмом, деструктивными сектами, насилием толпы, финансовыми пирамидами, моббингом, групповыми формами проявления бытового насилия отражает исключительную актуальность данной темы. Марш шагающих по миру бархатных, оранжевых, твиттерных революций убедительно показывает,

что ГДП затрагивает непосредственные интересы граждан, социальных групп, этносов, государств, всего мирового сообщества в целом.

Если биологические, социально-биологические, психологические и социальные основания группового деструктивного поведения давно стали объектом систематического изучения, то связанные с содержанием политической деятельности основания ГДП изучались значительно реже, фрагментарно, как отдельные социально-психологические феномены [1, 7, 8, 11, 16]. Несмотря на качественное своеобразие проявлений ГДП разных уровней и форм, они могут быть объединены общими психологическими закономерностями функционирования. Феномен группового деструктивного поведения представляет собой системное психолого-политическое явление, проявляющееся на микроуровне (уровень малых групп), мезоуровне (уровень организаций и коллективов), макроуровне (уровень этносов, государств) и метауровне (уровень суперэтноса – мирового сообщества).

Целью работы является построение теоретической модели психолого-политических оснований группового деструктивного поведения, предполагающей поиск базовых критериев и формулирование исследовательских задач по профилактике ГДП.

Метод. Исследование опиралось на метод системного моделирования политической деятельности и критериальный анализ.

Обратимся к базовым понятиям. Сам термин «деструктивное поведение» до сих пор не получил в психологической науке определенности. Часто он используется как синоним для обозначения девиантного, делинквентного, асоциального, неадекватного, конфликтного, акцентуированного поведения. «Деструктивность» буквально переводят как разрушение, которое исходит от человека и может быть направлено во внешний мир или на самого себя. Разрушение – это нарушение целостности, внутренней устойчивости объекта, распад структуры, разложение объекта. Различные определения деструктивного поведения сводят его к нарушению целостности и внутренней устойчивости, распаду как самой личности, так и внешних объектов и субъектов.

Поведение в самом общем виде определяют как целесообразную систему реакций индивида. Какие же цели преследует групповое деструктивное поведение? Очевидно, что «нарушение целостности, структуры, внутренней устойчивости» представляют собой слишком неопределенные конструкты, чтобы можно было ими пользоваться для практической оценки реальных последствий группового деструктивного поведения. Столь же неопределенной оказывается и попытка определения деструктивного поведения через его антипод – конструктивное поведение. В этой связи важен поиск содержательных критериев.

Первой отправной точкой для выделения таких критериев является сама жизнедеятельность человека. Деструктивно то, что создает угрозу жизнедеятельности,

безопасности человека. В таком случае психолого-политические основания группового деструктивного поведения подразумевают политические решения, практики, нормы, институты политической системы, которые представляют собой угрозу (актуальную и потенциальную) безопасности человека и социальных групп.

Объектами группового деструктивного поведения могут быть индивид, гражданин, социальная группа, общество в целом, государство и окружающая среда. Индивид как объект группового деструктивного поведения нуждается в обеспечении физической безопасности, гражданин как носитель социальной роли, обусловленной использованием соответствующих гражданских прав и свобод и исполнением обязанностей, – в обеспечении посредством государственного механизма физической, психологической, экономической, информационной и правовой безопасности. Социальные группы и общество в целом рассматриваются нами как проявления этноса, определяемого, в самом широком смысле этого слова, как любое сообщество, которое может сказать о себе: «Мы» [8]. Таким образом, в поле анализа попадает не только этническая культура, традиционно определяемая через такие составляющие, как язык, религия, нравы, обычаи, социальные нормы, но и всевозможные групповые субкультуры (субэтносы, в терминологии Л.Н. Гумилева [4]). Соответственно, этнос как объект группового деструктивного поведения рассматривается через призму обеспечения этнической безопасности. Государство как институт регуляции жизнедеятельности общества и субъект политической воли может стать объектом ГДП, угрожающего национальной безопасности. И наконец, деструктивное поведение может угрожать экосу (окружающей среде) и порождать проблемы экологической безопасности.

Поскольку перечисленные объекты ГДП не существуют изолированно друг от друга, то каждый из них будет в той или иной степени отражать разрушительное воздействие на другие объекты. Так, например, терроризм и экстремизм, как формы проявления группового деструктивного поведения, могут представлять собой опасность не только для государственной власти, но и для гражданина и общества в целом, а в отдельных случаях и для окружающей природной среды.

Таблица 1

Объекты деструктивного воздействия и зоны нарушения безопасности

Объекты деструктивного воздействия				
Индивид	Гражданин	Этнос	Государство	Окружающая среда
Зоны нарушения безопасности				
Физическая, безопасность	Физическая, психологическая,	Этническая безопасность	Национальная безопасность	Экологическая безопасность

	экономическая, информационная, правовая безопасность			
--	---	--	--	--

Как видно из табл.1, психолого-политическими основаниями группового деструктивного поведения будут являться политические решения, практики, нормы, институты политической системы, которые представляют угрозу физической безопасности для индивида; физической, психологической, экономической, информационной и правовой безопасности – для гражданина (как субъекта прав и ответственности); этнической безопасности – для этноса; национальной – для государства и наконец, экологической безопасности – для окружающей среды.

Вторая отправная точка для выделения критериев ГДП находится в самой сущности политической деятельности, под которой следует понимать деятельность по организации сообщества и выстраиванию отношений, ориентированных на благополучие этноса [8]. Роль власти как арбитра по согласованию различных (в том числе противоречивых и даже взаимоисключающих) интересов граждан, организаций, сообществ является зоной извечного конфликта интересов. Результат согласования этих интересов (в виде принятия мнения большинства при учете позиций меньшинства) на практике зачастую остается идеальным. Соответственно, возникают группы противодействия, выражающие в пассивной и активной форме свой протест против принятых политических решений и правил. Протестное групповое поведение часто является деструктивным по отношению к данной политической системе, приобретая такие активные формы, которые квалифицируются как преступления (например, политический экстремизм [7], терроризм). Таким образом, психолого-политическими основанием ГДП является и характер отношений субъектов политической системы по поводу реализуемой политической деятельности.

Если рассматривать политическую деятельность с точки зрения методологии А.М. Зимичева, опираясь на категории социальных целей жизнедеятельности человека и общества [8], то можно выделить четыре ее системообразующих элемента, каждый из которых будет соотноситься с психолого-политическими основаниями ГДП в отношении политической системы. Этими элементами являются идеологическая, символическая, нормативная и экономическая системы. Идеологическая и символическая системы связаны с регламентацией сознания субъектов политической системы, нормативная и экономическая системы в большей мере связаны с регламентацией поведения. Рассмотрим более подробно каждый из этих элементов.

Первым базовым системообразующим элементом политической деятельности выступает идеологическая система, связанная с социальным целеполаганием. Как отмечал еще И.П. Павлов [18], одним из основополагающих рефлексов, управляющих жизнедеятельностью отдельного человека и любой социальной общности, является рефлекс цели. Утрата целей порождает экзистенциальный вакуум, потерю смысла существования, характерную для суицидального поведения. И напротив, жертвенность ради высоких, социально значимых целей воспринимается как героизм. На смерть звал Гарибальди, и за ним пошли. За веру шли на костер и принимали мучения. Почему? Появлялся убедительный образ цели, идеализированное представление будущего, движение к которому наделяло смыслом человеческую жизнь. Если же смыслы носят биологический характер, то с угрозой самосохранению под сомнение ставится и возможность дальнейшего движения к цели. Много ли героических подвигов было совершено наемниками? Более того, можно вспомнить как солдаты Филиппа II вообще вышли из повиновения в Нидерландах, не получив своевременно жалования. Победа не была для них смыслом жизни. С другой стороны, вспомним слова адмирала Нахимова, который, осознав несомненность победы врага после нескольких отбитых штурмов, в ответ на предположения о возможном успехе сказал: «Пустые мечты-с! Мы сражаемся теперь не за Севастополь, а за честь России и за нашу честь! Будет ли взят город, или нет, не наше дело-с. Мы, умирая, будем еще держать оружие в руках-с» ([10], с. 112). А во что превратили военную битву в глазах воина древние скандинавы? В способ попасть во дворец Одина, где он будет проводить время в пиршествах, охотах, боях. В этот дворец валькирии отводят всякого воина, честно павшего в бою. Только трусы будут погружены в царство богини смерти Геллы. Следствием данной системы верований было то, что скандинавы считали за позор и несчастье умереть не от руки врага [17]. Образ загробной жизни в раю, которая заслуживается определенными поступками, активно использовался и организаторами крестовых походов. Не для себя и не для добычи преступается воином христовым заповедь «не убий», а во имя ближнего единове́рца, слабых и притесненных и имени Господня. Можно вспомнить в этой связи и А.В. Суворова, который любил говорить: «Бог наш генерал. Он нас и водит». Все это примеры эффективного в рамках своего времени целеполагания со стороны политиков.

Политическая деятельность формирует целеполагание на уровне общества через такой инструмент, как идеология. Государственная идеология воплощает в себе систему идеалов (светских, религиозных) в системе отношений субъектов гражданского общества между собой, с государством, отношений государства с другими международными субъектами. Государственная идеология формирует систему объединяющих сообщество смыслов, определяющих смысло-жизненные ориентации, стремления, личностную

направленность граждан, специфику восприятия и оценки ими поступков и ситуаций, эмоционального реагирования, поведенческих стереотипов. Усваиваемые гражданами в процессе политической социализации идеологические смыслы выступают основой и залогом их лояльности и приверженности существующей политической системе.

Естественно, идеологическое поле подавляющего большинства современных государств не является ни статичным, ни однополярным. Идеологическая конкуренция, институционально определяемая фактором многопартийности, задает вектор развития государственной идеологии в целом. Но при этом государство обязано защищать от эрозии базовые смыслы собственной политической системы (национальные ценности и идеалы), рассматривая любую попытку их дискредитации как акт враждебного информационно-психологического воздействия. Вытеснение на периферию политического спектра альтернативных политических ценностей, вступающих в конфронтацию с национальными идеалами и подрывающих доверие к ним населения, является условием самосохранения самой политической системы.

Анализ через эту призму российских политических реалий показывает противоречивую картину. Конституция РФ устанавливает запрет на национальную идеологию (п.2, ст.13 Конституции РФ «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»), что, с точки зрения политической психологии, противоречит фундаментальным основам существования суверенной политической системы. Провозглашение прав на свободу слова, свободу совести, запрета цензуры становится предпосылкой уязвимости политической системы со стороны как внутренних, так и внешних политических игроков, стремящихся привнести на российское политическое поле альтернативные политические идеалы. Для нейтрализации таких попыток российское государство использует законодательство о противодействии экстремисткой и террористической деятельности.

Конкуренция идей и идеологическая борьба вытекают из самой природы индивидуальных различий людей. Вся мировая история есть арена борьбы идей и идеалов. Поведение групп, нацеленных на дискредитацию и разрушение сложившихся и радикальный переход к новым политическим идеалам, может рассматриваться как деструктивное по отношению к данной политической системе и часто приобретает перманентный характер. Исследовательской задачей в этом блоке профилактики ГДП является выявление и мониторинг действенности существующих в политической системе базовых идеологических смыслов, изучение представлений граждан об идеальном гражданине и государстве и их соотношение с реальными образами [6, 19] предлагаемых государством эталонов гражданина, взаимных ожиданий граждан и государства.

Второй системообразующий элемент политической деятельности – это символическая система. Любая идея для того, чтобы она могла быть воспринята и усвоена, нуждается в определенной форме своего выражения. Формой национальной идеологии являются символы государства и политической системы (флаг, герб, гимн), национальные праздники, ритуалы, церемонии, логотипы фирм и бренды, ассоциирующиеся с ценностями определенного образа жизни и т.п. Еще Конфуций писал, что с соблюдения ритуалов начинается порядок в государственном управлении [12]. Выбор национальных праздников – это утверждение в массовом сознании значимости тех или иных исторических событий, выступающих точкой отсчета в формировании национально-культурной идентичности гражданина. Это формирование кумиров для подражания, галереи референтов для подрастающего поколения. Участие в ритуалах – это важнейшая социальная практика по освоению гражданами ценностей политической системы. Красота ритуала связывает положительные эмоции граждан с символизированными ценностями политической системы.

Подобно тому, как знамя полка на поле боя служит для солдата символом негибавшего боевого духа, символы национальной идеологии являются средством мотивационного воздействия на дух гражданский. Выражаемые и разделяемые совместно с другими гражданами положительные эмоции по поводу символов национальной идеологии не только сплачивают сообщество, но и выступают важнейшей мотивационной составляющей относительно желания граждан быть полезными для своего отечества. Напротив, эстетизация чувства уродливости в оценке существующих социально-политических практик и отношений вызывает демотивирующее воздействие на субъектов политической системы.

Форма, в которой закрепляется в обществе национальная идеология как фактор эмоционального и мотивационного воздействия на гражданина, увы, является объектом информационно-психологического воздействия на политическую систему со стороны творцов цветных революций и носителей альтернативных политических идеалов. Это воздействие проявляется в такой форме ГДП, как вандализм. Происходит глумление над памятниками, культурными ценностями и святынями общества. В информационном пространстве появляется армия «клоунов», задача которых – создать впечатление комичности в отношении традиционных для данного общества ритуалов. Символы национальной идеологии помещаются в такой смысловой контекст, который изменяет их эмоциональные коннотации с положительных на отрицательные. Оценка значимости символической составляющей политики находит свое отражение и в УК РФ, где статьи, связанные с оскорблением государственной символики, относятся к преступлениям против порядка государственного управления.

В исследовательском плане применительно ко второму блоку профилактики ГДП актуальной является задача мониторинга эмоциональных коннотаций базовых символов национальной идеологии, выявление и анализ негативной эмоциональной коннотации символов национальной идеологии у носителей альтернативных политических идеалов.

Третий системообразующий элемент политической деятельности – это нормативная система, которая включает в себя два подуровня: уровень социальных и уровень юридических норм. Любой идеал остается положительно окрашенной умозрительной конструкцией до тех пор, пока он не начнет воплощаться в конкретных поведенческих практиках. Когда эти практики принимаются и осваиваются большинством членов того или иного сообщества, они становятся социальными обычаями. В генезисе устоявшаяся практика должного, справедливого поведения членов племени становилась обычаем. Обычай как исторически сложившаяся стереотипная форма массового поведения представлял собой воспроизводимые в неизменном виде стандартизированные действия, которые воплощали в себе определенные этнические ценности. Обычаи, традиции выступали в качестве нормы, регулятора, который обеспечивал стабильность форм массового поведения [5, 6], они «возникают обычным путем и не могут быть заимствованы или созданы творческой деятельностью законодателя» ([2], с. 41).

Возможность предсказывать поведение друг друга, упорядочивать совместную жизнедеятельность и более эффективно удовлетворять основные потребности делают социальные нормы незаменимыми регуляторами социального поведения, без которых ни одно сообщество не может существовать. Но социальные нормы не являются едиными, различия в них обнаруживаются не только на уровне культурно-этнических общностей, но и на уровне социальных групп [9]. Когда магистральной линией социализации становится культура подчинения закону, или гражданская культура, то большинство людей демонстрирует законопослушное поведение. Например, справедливо честно зарабатывать, а брать чужое – несправедливо, это преступление, воровство. Гражданская культура предлагает молодому человеку галерею положительных и отрицательных героев и поступков, положительных – когда не могут взять, не спросив разрешение, возвращают найденное, предупреждают кражу. Так у ребенка на уровне вторичного мироощущения воспитывается ненависть к ворам и уважение к честным людям. Конечно, не у всех. Один ребенок с альтруистической ориентацией и развитой эмпатией воспримет, что если берут без спроса твою игрушку, тебе плохо, и другому будет также плохо, если заберут его игрушку. А ребенок с садистической ориентацией от того, что другому стало плохо, наоборот, получит удовольствие. Но даже он в случае социального отвержения будет прятаться до тех пор, пока не будет уверен, что сможет сделать это безнаказанно.

Однако сталкиваясь с социальным отвержением в гражданской культуре, он ищет и находит социальное принятие в иных субкультурах. В воровской субкультуре ему предлагается иное представление о социальной справедливости. Если от «много» взять «немножко», это не кража, а «дележка». У него много, у тебя – мало: это несправедливо. И хорошо поступает тот, кто умеет найти и взять то, что плохо лежит. Галерея референтов для подражания здесь своя: забрали ловко у жадного богача и никто не заметил. В результате и на уровне вторичного мироощущения формируется уважение к ловким, умным, хитрым и насмешка над глупыми.

В рейдерской субкультуре каноны справедливости основываются на законах рынка, или джунглей. Кто сильнейший, тот и выживает, и захватывает бизнес более слабых. Это честная конкурентная борьба по закону. Плохим здесь является слабый, который не может постоять за себя, который сдается и проигрывает в конкурентной борьбе. Такова героика данной субкультуры, которая на уровне вторичного мироощущения формирует уважение к сильным и презрение к слабым.

Субкультура «несунов», которая стараниями ряда публицистов стала ассоциироваться у многих с советским прошлым, устанавливала справедливость, исходя из того, что раз «все вокруг колхозное, все вокруг мое», то якобы каждый это общее себе и присваивал. Будучи объявленной со страниц и экранов СМИ в качестве повсеместной нормы поведения в условиях плановой экономики, эта норма оказалась некоторыми автоматически перенесенной и на условия рыночной экономики (раз не платят, как следует, возьмем недоплачиваемое натурой). И кумиром провозглашался тот, кто мог умело добиваться справедливого вознаграждения от своего предприятия. Разные правильные энтузиасты подвергались насмешке, уважение распространялось на умелых, тех, кто может отстоять свои интересы.

Субкультура «профессиональных нищих» провозгласила справедливым зарабатывать на жалости. Каждый просящий должен быть обеспечен социальной помощью. Эту субкультуру многие традиционно отождествляют с такой христианской добродетелью как милосердие. Но еще дореволюционные исследователи описывали специфические правила приема и исключения из сообщества называемых обладателей нищенской суммы и нормы, по которым оно существовало. Выпрашивание денег расценивалось здесь как банальный доходный бизнес, спекулирующий на размерах несчастья. И в наше время бизнес, построенный на благотворительности, занимает в мировых рейтингах доходности почетное третье место, уступая лишь торговле оружием и наркотиками. На уровне вторичного мироощущения в этой субкультуре формируется уважение к профессиональным потребителям социальной помощи и насмешка над работающими.

Субкультура мздоимства записала в скрижали справедливости требование установления таксы за правильный подход к исполнению должностных обязанностей. На Руси эту традицию возвела в ранг закона еще Елизавета, дававшая в кормление статьи законов. А в наше время коррупция стала благом для многих развивающихся демократий. Открыто не афишируемыми героями этой субкультуры стали те, кто поднялся выше и соблюдает единую таксу. Такие пользуются здесь почетом и вызывают уважение, искатели правды вызывают здесь насмешку, ибо известно, что «правда у каждого своя».

Мы обратились для анализа лишь к одной социальной норме поведения – не укради, но можно найти аналогии и с другими нормами. Российский гражданин сегодня подобен витязю на перепутье всех этих субкультур с той лишь разницей, что дороги в реальной жизни перепутаны и часто приобретают гибридные смешанные очертания. У разных витязей разные представления о справедливости. Отсюда и возникает социальный конфликт, вследствие которого одни эксплуатируют и паразитируют на других в рамках закона, а другие чувствуют эту несправедливость, но закону подчиняются. Задача формирования единой гражданской культуры – это задача формирования общих ценностей и норм, объективных законов, которые стали бы для гражданина эталоном социальной справедливости. Единство базовых ценностей является условием существования любого сообщества.

Если социальные нормы являются в значительной мере отражением условий развития и культуры самого социума, то нормы юридические часто оказываются средством управляющего воздействия на общество со стороны государства, устанавливающего законы. В юридических нормах через предписание правил дозволенного и недозволенного поведения закрепляются ценности государственной идеологии. В частности, идеологиям, в которых утверждается приоритет личного над общественным, и идеологиям, утверждающим примат общественного над индивидуальным, соответствует качественно отличное распределение прав, свобод и обязанностей граждан. Риторическим остается вопрос: может ли государство, устанавливающее иерархию ценностей: личность – общество – государство, требовать от гражданина рисковать и даже отдать свою жизнь во имя спасения других или защиты отечества? Закон провозглашается государством источником социальной справедливости. Он должен служить преградой для произвола властителей и сограждан в их взаимных отношениях, являться средством защиты слабых против сильных, своих против чужеземцев. Закон должен защищать гражданина от обмана и физического насилия. Если закон по факту не выполняет эти функции, возникает деструктивное (по отношению к законам данного государства) поведение. Отсутствие действенности законов часто порождает политическую агрессию граждан и сообществ.

Другим психолого-политическим основанием, провоцирующим ГДП в форме интолерантности, социально-политических протестов, возмущения является фактическое различие юридических норм для разных социальных слоев населения. Показательным историческим примером в этом плане является ситуация с нормами, определявшими пределы необходимой самообороны для сословий [13]. Офицер, который терпеливо снесет оскорбление чести, не может более оставаться в числе офицеров. Сословие, которое по своей природе должно быть воплощением личного мужества, не может допустить трусости у своих членов. Трус, убегающий с поля сражения, спасает свою жизнь ценой собственной чести. Людям особо высокого положения и знатного происхождения, а также офицерам позволяется пользоваться для защиты своей чести правомерной самообороной. Но при чисто словесных оскорблениях они не должны доходить до умерщвления противника. Напротив, другим лицам и даже правительственным чиновникам нельзя предоставить подобного права. Человек, которому угрожает опасность или оскорбление чести, должен укрыться, бежать. «Честью купцов должен быть их кредит. Они лишь до тех пор имеют честь, пока у них есть деньги. Они прекрасно могут, не подвергаясь опасности, потерять свою честь или свое доброе имя, терпеливо сносить обращенные к ним ругательства, а если они принадлежат к низшему сословию, также и не особенно сильные пощечины и щелчки» [там же]. Служебный класс не может поддерживать чувство чести в такой же мере, как остальные слои населения. Его положение сопряжено с известными унижениями, которые терпеливо переносит все сословие. А потому и каждый его член должен понизить свои претензии относительно чувства чести до обычного в его среде масштаба или отказаться от служебной профессии. Понижению этого сословного чувства чести способствовали соответствующие социальные практики. Например, для многих крепостных крестьян существовала еженедельная порка. Полагалось, что главным для крестьян должна быть их работа. А соответственно, крестьянин должен иметь развитое чувство собственности на продукт своего труда, которое сделает его бережливым. Ленивый крестьянин, недостаточно заботящийся о своей пашне, легкомысленно расточающий свое добро, должен вызывать презрение у крестьян. Офицер не упрекнет другого офицера в том, что тот плохой хозяин, но отвернется от того, кто снес оскорбление чести. Для крестьян же мужество не обязательно. Крестьянин не поставит в укор другому, что тот в ответ на оскорбление не начал драться. Поэтому он должен нести наказание за запрещенную самозащиту во всей его силе.

Существование подобных различий относительно разностатусных социальных групп в писанных и неписанных нормах и практиках правоприменения в сегодняшней России показывает, что данный исторический пример не утратил своей актуальности, поскольку можно найти современные аналоги влияния социально-экономического статуса гражданина

на решения о том, применять ли к нему санкции за нарушение закона.

Основанием ГДП является и чувство несправедливости, отражающее дисбаланс в системе отношений юридических и социальных норм. Юридическая норма не может держаться исключительно на страхе наказания. Если она не принимается обществом, образцом поведения она не станет. Если же юридическая норма прямо противоречит социальным нормам, возникает политическая агрессия. Состояние социальной аномии, в терминологии Э. Дюркгейма, или, говоря бытовым языком, «беспредела», возникает тогда, когда законы, принимаемые законодателями, перестают соответствовать социальным эталонам справедливости, демонстрируют психологическую дефектность [6] или остаются вовсе неизвестными для граждан. Общество перестает жить по законам.

Исследовательской задачей в третьем блоке профилактики ГДП является мониторинг базовых социальных норм в рамках различных социальных групп. Необходимо исследовать представления граждан о социальной справедливости, сравнивая с эталонами справедливости, заложенными в нормативной системе государства, а также оценивать степень знания гражданами основных положений законов.

Четвертым системообразующим элементом политической деятельности любого государства является экономическая система, система распределения ресурсов, благ, доходов членов сообщества. Система распределения ресурсов является в значительной степени производной от сложившейся системы социальных норм, устанавливающих критерии справедливого распределения благ в обществе. В одних этносах руководствуются принципом: «Никто не имеет права на избыток, пока у остальных нет необходимого». Так, например, канадские эскимосы считали справедливым, что предметы, которыми в данный момент не пользуется их владелец, должно одалживать по первой просьбе члена своей общины [14]. Себе он должен был оставить только один, а остальные раздать членам своей общины. А в других этносах в почете оказывается мальтузианство: «Человек, являющийся на свет Божий, когда все места уже заняты, в семье, не располагающей средствами для его прокормления, и в обществе, не нуждающемся в его труде, такой человек не имеет ни малейшего права требовать себе пропитания даже в самой ничтожной дозе, и в полном смысле слова, лишний на земле. На большом жизненном пиру не уготовано прибора для него. Природа повелевает ему уйти, и она не замедлит привести в исполнение свой приговор» (Мальтус, цит. [15], с.357).

Другой важнейшей психологической составляющей экономической системы является субъективное восприятие человеком достаточности благ (категория Изобилия в терминологии А.М. Зимичева). Испытание образцом древнеримского изобилия человечество испытывало и будет испытывать постоянно. Так, например, самураи в 17 веке начали

превращаться в таких гурманов, что дайте всерьез начал опасаться, что они утратят свой боевой дух. В 1663 г. он издал постановление, которое начиналось со следующей фразы: «В последнее время стали поступать сообщения о том, что самураи устраивают расточительные пиршества». Далее устанавливались ограничения на блюда, которые можно было подавать к столу. В праздничные дни обед должен был состоять не более чем из двух видов супа, пяти овощных салатов, двух кувшинов саке, риса, маринованных овощей, пирожных и зеленого чая. Семьи торговцев должны довольствоваться более скромной трапезой, соответствующей их статусу: один вид супа, три салата, два графина саке, рис, маринованные овощи и чай со сладостями. Для крестьян предписывались еще более жесткие ограничения. Так в 40-е годы 17 в сегунат запретил деревенским жителям пить сакэ и чай. Были и предписания насчет жилища, например, высота фасадов домов ремесленников и торговцев в Канадзаве не могла превышать полутора этажей. Каждому сословию была предписана своя одежда, ее материал ([3], с.133).

Сообщества, в которых изобилие – это когда у меня благ больше, чем у соседа, и сообщества, в которых определен и принят его членами порог разумной достаточности благ, безусловно, будут отличаться качественно различной экономической структурой. Иррациональное стремление ко все большему количеству благ в условиях доминирования в структуре личностных потребностей социально-биологических (возвыситься над другими и за счет других занять более высокое ранговое место) и несформированности потребностей духовных, является психологической константой, обуславливающей феномен безудержного потребления. Стимулируемый рекламой и социальными эталонами потребления современный человек из «существа разумного» эволюционирует в условиях современной экономической системы в «существо желающее», компенсирующее собственную несостоятельность количеством и качеством потребляемых благ. Формирование человека как образцового потребителя закрепляет в нем комплекс неполноценности, выходом из которого является покупка еще более новой, еще более дорогой модели уже имеющего продукта.

Четырем выделенным системным элементам политической деятельности будут соответствовать психолого-политические основания, цели и формы группового деструктивного поведения, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Психолого-политические основания и цели группового деструктивного поведения

Системный элемент политической деятельности	Идеологическая система	Символическая система	Нормативная система	Экономическая система
Уровень	Регламентация	Регламентация	Регламентация	Регламентация

психической регуляции	сознания	сознания	поведения	поведения
Психолого-политические основания ГДП	Приверженность альтернативным политическим идеалам	Негативное отношение к символам национальной идеологии	Переживание несправедливости этических и юридических норм	Переживание несправедливости распределения ресурсов
Цели ГДП	Дискредитация и разрушение национальных политических идеалов	Формирование отрицательных эмоциональных коннотаций символов национальной идеологии	Дискредитация национальных этических и юридических норм	Убеждение в несправедливости национальной системы распределения ресурсов

Все четыре элемента политической деятельности (идеологическая, символическая, нормативная и экономическая системы) неразрывно связаны между собой, испытывают обратное влияние, и нарушение в какой-то одной системе политической деятельности приводит к нарушениям и в других. Политическая деятельность государства основана на системе отношений граждан и различных формальных и неформальных социальных групп с государством, которая складывается в рамках каждой из четырех систем. Эти отношения могут варьироваться по шкале принятие – непринятие политической системы с учетом различной степени выраженности положительного, индифферентного или отрицательного отношения: приверженность – лояльность – безразличие – нелояльность – предательство, открытая конфронтация. Очевидно, что в любом обществе характер отношений граждан к политической системе не будет замыкаться на какой-то один полюс. Устойчивость политической системы связана с приверженностью и лояльностью граждан и их объединений. Угроза существованию политической системы возникает при увеличении выше критического уровня процента граждан, демонстрирующих неприятие политической системы.

Поскольку каждое из этих отношений включает в себя рациональный и эмоциональный аспекты, все 4 элемента политической деятельности могут быть проанализированы в рамках двухмерной системы координат рациональных и эмоциональных отношений граждан к политической системе. Таким образом, по отношению к идеологической системе мы можем выделить следующие категории граждан:

А) Граждане, которые принимают национальную идеологию на рациональном и эмоциональном уровне (национальные идеалы связаны для них с положительными эмоциональными переживаниями). В зависимости от степени принятия эта категория граждан может делиться на приверженцев, для которых реализация национальных идеалов стала смыслом жизни и которые готовы жертвовать своими биологическими потребностями

во имя торжества этих идеалов (в предельном случае отдать жизнь), и лояльных граждан, демонстрирующих поддержку национальной идеологии, но отдающих при этом приоритет собственным потребностям. Удельным весом этой категории граждан и их политической активностью (прежде всего приверженцев) определяется устойчивость самой политической системы. Это зона конструктивного группового поведения.

Б) Граждане, которые принимают национальную идеологию на рациональном уровне, но определенные положения национальной идеологии связаны для них с отрицательными эмоциональными переживаниями. В данном случае речь может идти о мотивационном конфликте, связанным с рассогласованием социально желательного и субъективно значимого. По степени остроты переживания мотивационного конфликта эта категория также неоднородна. Поскольку в мотивационном конфликте ведущую роль часто играют эмоции как универсальный индикатор значимости отражаемых объектов, событий, явлений, то можно предполагать вероятную когнитивную переоценку (частичную или полную) национальной идеологии в описываемой группе. Поэтому данная категория подвержена риску рекрутирования в ряды сторонников альтернативных политических идеалов. Это зона потенциального группового деструктивного поведения.

В) Граждане, которые не принимают национальную идеологию на рациональном уровне, но испытывают в отношении определенных ее положений положительные эмоции. В этой группе также имеет место мотивационный конфликт между социально желательным и субъективно значимым, но поскольку субъективно значимое связывается с положениями национальной идеологии, наиболее вероятным выходом из него будет являться когнитивная переоценка собственного рационального неприятия идеологических положений. Поэтому эта группа с большой вероятностью пополнит собой ряды сторонников национальных политических идеалов. Это зона потенциального группового конструктивного поведения.

Д) Граждане, которые не приемлют национальную идеологию на рациональном уровне и испытывают негативные эмоциональные переживания в отношении национальных идеалов. Это группа противников национальной идеологии и сторонников альтернативных политических идеалов. В зависимости от степени рационального и эмоционального неприятия в этой категории можно выделить нелояльных по отношению к политической системе граждан (не разделяющих ее идеалов, но не готовых рисковать собственным благополучием для их разрушения и утверждения альтернативных идеалов) и граждан, настроенных радикально. Поведение последних может быть пассивным (в форме предательства национальных идеалов) и активным (в форме прямой конфронтации с политической системой). Это зона группового деструктивного поведения по отношению к политической системе, представляющего непосредственную угрозу ее безопасности и

стабильности.

Наконец, на пересечении осей рационального и эмоционального отношений находится группа, демонстрирующая безразличие к национальным идеалам и не испытывающая ни положительных, ни отрицательных эмоций в их отношении. Это тот случай, когда формальный юридический статус гражданина не совпадает с психолого-политическим статусом: человек не освоил в процессе политической социализации ценности политической системы. В данном случае речь может идти о позиции политического абсентеизма. Поскольку множество людей без сформированных убеждений в силу социального конформизма могут мимикрировать под пассивных сторонников национальной идеологии, часто сложно провести четкую границу между ними и категорией лояльных в отношении политической системы граждан.

Аналогичная типология может быть построена и в отношении других трех систем политической деятельности: рационального и эмоционального принятия/отвержения значений символов национальной идеологии (символической системы), содержания социальных и юридических норм (нормативной системы) и принципа распределения ресурсов (экономической системы).

Акцент исключительно на крайние степени неприятия (предательство и активную конфронтацию) приводит к тому, что политическая система часто запаздывает в нейтрализации действий и противодействии приверженцам альтернативных политических идеалов, что может оказаться фатальным для самой политической системы. Такую ситуацию наглядно иллюстрируют удавшиеся бархатные революции и перевороты.

Очевидно, что данная модель психолого-политических оснований группового деструктивного поведения является теоретической и нуждается в эмпирической проверке и конкретизации. Исследовательской задачей в этом плане является выявление и мониторинг отношений к базовым элементам политической системы со стороны различных социальных групп.

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ (№ -14-06-00719/14) научных проектов

Список литературы

1. Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб: Прайм-Еврознак, 2004. – 352 с.
2. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: учеб. для вузов – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 752 с.

3. Горегляд В.Н. Классическая культура Японии. Очерки. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. – 352 с.
4. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – СПб: Кристалл, 2002. – 578 с.
5. Дейнека О.С. Социальные регуляторы как факторы реализации экономической власти и политики // Психология власти: материалы 2-й междунаучной конф. (Санкт-Петербург, 14-15 янв. 2008 г.) – СПб: СПбГУ, 2008. – С. 37-41.
6. Дейнека О.С. Психология превентивной политики правонарушений в экономике и бизнесе. Учебное пособие. – Saarbrücken, Deutschland/Германия: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 410 с.
7. Забарин А.В., Иванова А.С. Отношение к экстремизму студенческой молодежи: психолого-политическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета – 2013. – №1. – С. 121-129.
8. Зимичев А.М. Избранные произведения – СПб: ЦППИ, 2008. – 736 с.
9. Зимичев А.М., Забарин А.В. Психология социальной справедливости в отношениях гражданина и государства // Вестник политической психологии. – Специальный выпуск. 2013 – С. 28-41.
10. Зыков А. Как и чем управляются люди. – СПб: Книга по требованию, 1898. – 188 с.
11. Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. – Очерки. М.: Водолей, 2010. – 200 с.
12. Конфуций. Суждения и беседы. – М.: Азбука-классика, 2006. – 224 с.
13. Левита К. Право самообороны. Гиссен. 1856.
14. Летурно Ш. Эволюция собственности.– М.: Книжный дом: «ЛИБРОКОМ», 2012. – 416 с.
15. Летурно Ш. Нравственность. Развитие ее с древнейших времен и до наших дней. – СПб: Книгоиздательство Н.С. Аскарханова, 1909. – 434 с.
16. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
17. Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара [под ред. А. Стойковича]. – М.: Издание А. Семена и А. Стойковича., 1846. – 470 с.
18. Павлов И.П. Рефлекс свободы. – СПб: Питер, 2001. – 432 с.
19. Deyneka O. The representation of Belarusian State in common consciousness of students during the financial crisis. // International Psychological Applications Conference and Trends. Proceeding/Ed. By Clara Pracana (Porto, Portugal, 2014, 4-6 April) – Lisbon: W.I.A.R.S., 2014 – P. 46-51.

Рецензенты:

Почебут Л.Г., д.псих.н., профессор, профессор кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург;

Олесич Н.Я., д.и.н., профессор кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.